

Н. К. Гудзий, наоборот, считает, что повесть осуждает Дракулу, его бессмысленную жестокость, тиранию, мучительство; повесть — это памфлет против «зломудрого» князя, исходящий из среды его феодальных противников²⁴. Наконец, Я. С. Лурье полагает, что пафос повести — «не в утверждении еще не сложившегося централизованного государства, а в отрицании предшествующего ему феодального самовластия»²⁵.

Во всех указанных точках зрения есть и спорные и бесспорные положения, но они, по-моему, не противоречат и не исключают друг друга, если мы будем рассматривать эту повесть как отражение процесса централизации государства, столь характерного для России XV в. В России процесс создания централизованного государства имел отличительные особенности, объясняемые и слабостью городов, и отсутствием буржуазии, и своеобразием внешнеполитических условий. «Повесть о Дракуле» как раз и рисует образ правителя сурового, единовластного, не только не останавливающегося перед смертной казнью, но и признающего ее единственной мерой, утверждающей безграничное, деспотическое самовластие. Едва ли эта повесть оправдывала репрессии главы государства²⁶, скорее она отражала реальное положение дел, рисуя появление властолюбивого правителя, боровшегося против феодального варварства варварскими же средствами.

«Повесть о Дракуле» многопланова и полифонична. Мы найдем в ней мысль о необходимости иметь сильное и храброе войско для защиты от иноземных нашествий. Она утверждает право господаря на дипломатическое уважение достоинства самостоятельного государства. В ней подчеркивается настоятельная потребность в беспристрастном суде и т. д. Но средствами для достижения всех этих прогрессивных для своего времени идей и устремлений избираются смерть, увечье, жестокость...

«Повесть о Дракуле» одновременно и оправдывала, и осуждала такого правителя, и в этом ее своеобразие в ряду произведений древнерусской литературы. Она хвалила «мунтьянского воеводу» за искоренение зла в своем воеводстве и вместе с тем осуждала его злобную жестокость и бесчеловечное самодурство. Но ведь именно такими и были правители XV века! А разве сам Иван III, этот, по словам Маркса, «великий макиавеллист»²⁷, не был жесток, безжалостен, груб и суров?

95. Эту точку зрения принимает и В. П. Адрианова-Перетц в статье «Крестьянская тема в литературе XVI в.» (ТОДРЛ, М.—Л., 1954, т. X, с. 203).

²⁴ Гудзий Н. К. История древней русской литературы. М., 1956, с. 256—262. Сходную точку зрения высказал и А. А. Зимин (Зимин А. А. И. С. Пересветов и его современники. М., 1958, с. 412—414).

²⁵ Повесть о Дракуле, с. 56.

²⁶ См. об этом: Бегунов Ю. К. Кормчая Ивана Волка Курицына.— ТОДРЛ, М.—Л., 1956, т. XII, с. 156.

²⁷ Архив Маркса и Энгельса, т. VIII, с. 159.